

Ямбаев Михаил Леонидович

**Македония
и
Россия
(1897–1902 гг.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва – 2004

Работа выполнена в Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время.

Научный руководитель – кандидат исторических наук
Александр Викторович Карасев

Ведущая организация - Институт всеобщей истории РАН

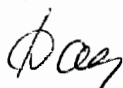
Официальные оппоненты
доктор исторических наук., профессор
Горина Людмила Васильевна
кандидат исторических наук
Исаева Ольга Николаевна.

Защита диссертации состоится «30» марта 2004 г.
в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: 119334 Москва, Ленинский проспект 32-а, корпус «В», 9 этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в Институте славяноведения РАН.

Автореферат разослан «24» февраля 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.И. Данченко

©Институт славяноведения РАН, 2004

I. Общая характеристика исследования

Научная актуальность темы. События первой половины 90-х гг. XX века вновь заставили говорить о Балканах как о “пороховом погребе” Европы. Республике Македония выход из состава СФРЮ удалось осуществить мирным путем. В январе 1991 г. была принята Декларация о суверенитете Социалистической Республики Македонии, а 17 ноября 1991 г. была принята новая Конституция провозгласившая Республику Македонию суверенным демократическим государством. Постепенно были урегулированы определенные сложности на пути ее международного признания. На фоне бушующей на части территории бывшей Югославии войны неосведомленному наблюдателю Македония могла показаться “райским уголком”. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. вызвала массовый приток албанских беженцев в Македонию. Имевшиеся в пограничных с Албанией и Косово македонских территориях формирования албанских террористов пополнили запасы оружия и увеличили свои ряды. В скором времени начались столкновения македонских сил безопасности и албанских боевиков-террористов. Зашла речь о новой войне на Балканах. В те дни из выпусков новостей по телевидению многие впервые узнали, где же находится Республика Македония...

Тема освещения политики Российской империи в македонском вопросе на рубеже XIX-XX вв. чрезвычайно актуальна по трем главным причинам: 1) с точки зрения малой ее изученности; 2) важности для понимания последующих, в том числе и современных нам, событий в Македонии (а во многом и в целом на Балканах); 3) как иллюстрация проведения в жизнь конкретной внешнеполитической линии со всеми ее промахами и успехами.

Предметом данного исследования является политика России в македонском вопросе в 1897 - 1902 гг. Автор сконцентрировал свое внимание на разработке в Петербурге политической линии по указанному вопросу и ее реализации через посольство в Константинополе и дипломатические представительства в балканских столицах и непосредственно в Македонии русскими консулами. В работе также предпринята попытка показать, какую роль играла консульская информация в выработке конкретных шагов России в македонском вопросе.

Хронологические рамки работы. Хронологическими рамками исследования выбраны 1897 - 1902 гг. т.е. период от заключения соглашения между Россией и Австро-Венгрией о поддержании статус кво на Балканах и завершения очередного Ближневосточного кризиса 1894-1897 гг. до начала выработки этими же державами т.н. Венской программы реформ для

Македонии. Собственно на Балканах этот период отмечен заключением в 1897 г. болгаро-сербского соглашения, касавшегося Македонии. Осенью 1902 г. в Македонии произошли события известные как “Горноджумайское восстание”, привлёкшие внимание дипломатии европейских держав, в первую очередь, Австро-Венгрии и России, и подтолкнувшие их к разработке Венской программы.

Научная разработанность темы. В исторической литературе до последнего времени отсутствовали специальные работы, посвященные исследованию политики Российской Империи в македонском вопросе на рубеже XIX - XX вв. Как было отмечено в статье А.Б.Эдемского, А.В.Карасева и С.П.Цехмистренко, изучение македонского вопроса не получило должного развития в отечественной исторической науке «по сугубо вненаучным, политическим причинам: македонская тематика чаще всего сознательно обходилась стороной и замалчивалась в советское время из-за опасений (и небезосновательных) болезненной реакции со стороны балканских государств, прежде всего Болгарии и Югославии, их попыток придать политическое звучание любым публикациям в советской печати по этому вопросу».¹

К.Л.Струкова в «Истории Югославии» и А.С.Шофман в сборнике лекций по истории Македонии дали общую характеристику положения дел в Македонии в конце XIX - начале XX вв.² Но политика России в регионе оказалась вне рамок этих работ.

В коллективном труде “Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII- начало XX в.” (М., 1978.) в главах «Политика России на Балканах в 90-х годах XIX в.» (Автор - Н.С.Кияпина) и «Политика «совместных действий» России с Австро-Венгрией» (Автор - М.Т.Панченкова) проблемам, связанным с македонским вопросом, уделено серьезное внимание. Однако, главным образом, это относится к периоду 1903-1908 гг., тогда как события 1897-1902 гг. практически не анализируются.

А.К.Мартыненко в своих работах, посвященных русско-болгарским отношениям, рассмотрел ряд вопросов, связанных с политикой России в Македонии. Ученый упоминает о том, что “В.И.Ленин разоблачал политику русского царизма и западноевропейской буржуазии, защищавших “из реакционных и корыстных целей пресловутое status quo... на Балканах”, политику, способствовавшую сохранению могучих остатков феодализма и средневековья и страшно задерживавшую общественное развитие в этой части Европы”. Характерна в этой связи переоценка влияния “революционного движения” в Македонии и попытка объяснить отрицательное отношение к нему официальной России: “...Русский царизм, отмечает Мартыненко, не мог полностью сочувствовать македонскому революционному движению, усматривая в нем не столько стремление православных славян

«освободиться от гнета турок-магометан, сколько стремление народа к революционному освобождению от власти монарха-султана и созданию ненавистной царизму республики». Но, сделав обязательный для той эпохи “марксистский реверанс”, он все же ушел от прямолинейных и одностронних оценок. Автор отмечает, что “решение македонского вопроса представлялось русскому правительству делом необычайно сложным, совершенно немыслимым без серьезного обострения политического положения на Балканах, а возможно и в Европе”, что было для России совершенно неприемлемо в период активизации ее политики на Дальнем Востоке.³

Н.С.Киняпина в работе, посвященной русской политике на Балканах в конце XIX в.⁴ также затрагивает проблемы, связанные с отношением России к македонскому вопросу в конце XIX в. В частности, автор отмечает: “Русское правительство... выступало за урегулирование македонского вопроса мирными средствами, путем договоренности с султаном”. Исследование основано на богатом архивном материале. Но консульские донесения из Македонии автором к работе не привлекались.

В 1990-е гг. появился ряд работ,⁵ непосредственно касающихся событий в Македонии в конце XIX - начале XX веков, но лишь в некоторых из них освещается позиция России по македонскому вопросу в указанный период.

О.Н.Исаева отмечает, что “наибольшую активность в решении македонского вопроса проявили Россия и Австро-Венгрия”, “их сотрудничество на Балканах было заложено соглашением 1897 г.”. Автор справедливо пишет, что “смута” 1902 г. в Македонии (“Горноджумайское восстание”) “заставила Россию активизировать свою политику на Балканах”. При этом положение России было довольно затруднительным, т.к. “традиция и идеология внешней политики (поддержка единоверцев и особенно славян) предполагали деятельную защиту христианского населения Османской империи, но государственные интересы требовали сохранения сложившегося порядка”.

Таким образом, в отечественной историографии мы можем четко выделить два направления в изучении македонской проблематики: 1) Изучение в общем, широком русле внешней политики Российской империи (Н.С.Киняпина) и 2) Изучение отдельных конкретных проблем, связанных с македонским вопросом (О.Н.Исаева, В.И.Косик).

Успешно занимается изучением македонской проблематики украинская исследовательница В.А.Бурбыга. Но в круг ее интересов в основном входит изучение общественного мнения в России по македонскому вопросу.

В болгарской историографии можно довольно четко выделить три направления, по-разному оценивающих политику России по отношению к Болгарии (в том числе на рубеже XIX-XX в.), что неразрывно связано у болгарских историков с позицией России в македонском (“болгарском на-

циональном”) вопросе.

Направление, негативно оценивающее политику России по отношению к Болгарии, а соответственно и в македонском вопросе, наиболее отчетливо заявляет о себе в периоды охлаждения отношений между двумя странами. Например, после Балканских войн, накануне Первой мировой войны и несколько позднее.⁶

Историки, придерживающиеся точки зрения о положительной в целом роли России (с некоторыми оговорками) в судьбе Болгарии на рубеже веков, представляют второе направление болгарской историографии.⁷

И третья группа болгарских историков считает, что Россия действовала на Балканах прежде всего в своих собственных интересах, которые могли совпадать или не совпадать с интересами Болгарии⁸. Например, Д. Вечев указывает, что “в своем отношении к Болгарии русское правительство исходило из идеи поддержания равновесия между балканскими народами, не принимая в расчет преобладание в Македонии болгарского населения”.

С. Германов противопоставляет официальную балканскую политику России, “характеризующуюся непоследовательностью, колебаниями и нерешительностью”, общественному мнению: “Несмотря на свою принадлежность к различным политическим направлениям русские ученые и общественные деятели аргументировано доказывали, что с исторической точки зрения сохранение статус кво в Македонии... как не в интересах России, так и не в интересах болгарского народа”⁹. Такой вывод представляется односторонним. Взгляды ученых и общественных деятелей России не были столь однозначны, однако, надо отметить, что большая часть названных кругов российского общества разделяла точку зрения о болгарском, в основной массе, характере населения Македонии. Германов развивает свой тезис о “непоследовательности” балканской политики России в новой публикации. (На примере эволюции взглядов Германова можно наблюдать, как историк, которого можно было бы на основании ранних работ отнести к третьему направлению болгарской историографии, встает на позиции историков первого направления. И происходит это также в период охлаждения болгаро-российских отношений – в 1990-е гг.) В рецензии¹⁰ на предисловие македонского автора В. Поповского к сборнику документов Коминтерна по македонскому вопросу изданному в Скопье¹¹ он особо подчеркивает ослабление русского влияния на Балканах в конце XIX в. Россия, пишет автор, все более охладевает к балканским проблемам и начинает “медленно и постепенно направлять свое внимание на Дальний Восток, что, конечно, произошло не без некоторых внушений Англии, Германии и Австро-Венгрии. В этой обстановке наступили и некоторые изменения [в политике России. - Я. М.] по македонскому вопросу. Россия начала поддерживать территориальные претензии Сербии к Македонии». Вынужденная искать новые полити-

ческие комбинации и новые опорные точки на Балканах, царская Россия, считает Германов, «создавала своей внешней политикой условия для недо-разумений и конфликтов между балканскими странами, затрагивающих наиболее чувствительно болгарскую нацию». Германов объявляет ответственной за болгаро-сербо-греческое соперничество, за «эту, как он пишет, своеобразную гражданскую войну», русскую политику. Резкость последних суждений Германова (в высшей степени спорных и тенденциозных) убедительно иллюстрирует наблюдение, содержащееся в характеристике упомянутого выше первого направления в болгарской историографии.

Можно отметить, что материалы российских архивов болгарскими, да и вообще, зарубежными исследователями практически не использовались. Только последние монографии Н.Дюлгеровой составляют в данном случае исключение. Вместе с тем, материалы донесений российских консулов были привлечены Н.Дюлгеровой только фрагментарно.

Историография бывшей Югославии и Республики Македония. Сербские историки¹², оценивает политику России в македонском вопросе прежде всего с точки зрения соответствия ее интересам Королевства Сербии. Аналогично многие македонские историки в своих оценках русской политики на Балканах рассматриваемый период исходят из того, как тот или иной шаг русской дипломатии может быть интерпретирован в свете априорного утверждения о существовании македонской нации уже в конце XIX - начале XX в.¹³

Сербская историография в период до Второй мировой войны вообще не исследовала македонский вопрос. Историки довоенной Югославии рассматривали Вардарскую Македонию, вошедшую в состав Сербии, как ее составную часть, «Южную» или «Старую Сербию».

Современный сербский историк М.Войводич полагает, что решение России урегулировать отношения с Болгарией было вызвано усилением активности Болгарии в Македонии. То есть Россия, по его мнению, рассчитывала укрепить свое влияние в Болгарии, чтобы удерживать Княжество от таких шагов в отношении Македонии, которые могли бы нарушить мир на Балканах.

После Второй мировой войны с созданием в новой Югославии Республики Македония, формируется и македонская школа историков, характерные черты которой уже были названы. Кроме того, македонские историки подвергают дипломатию России резкой критике за «неоказание» поддержки македонскому освободительному движению.

Македонский историк академик Б.Ристовски в своих работах, посвященных главным образом развитию македонского национального самосознания, много внимания уделил связям выходцев из Македонии с Россией. В одной из статей он, противопоставляя русское общественное мнение официальному курсу России в македонском вопросе, выдвигает довольно спорный тезис о том, что «еще в 1897 году, когда было подписано русско-авст-

рийское соглашение о сохранении статус-кво в Европейской Турции, Россия в качестве «первого этапа разрешения восточного вопроса» рекомендовала «окончательный раздел Македонии между пограничными с ней балканскими государствами». Вероятно, имеется в виду частное мнение русского посла в Вене П.А.Капниста, не получившее тогда никакой поддержки у руководства МИД.

К.Ортаковски пишет, что Россия и Австро-Венгрия заключили в 1897 г. соглашение о совместной политике и поддержании статус кво на Балканах. В результате, по Ортаковскому, в отношении балканских народов, и особенно македонского, был совершена несправедливость.

Гл.Тодоровски совершенно верно отмечает, что в рассматриваемый период Россия была занята дальневосточными проблемами и открыто опасалась того, “что будет решен македонский вопрос, в то время как она занята вопросами далекими от балканских”. «В этот период, - констатирует македонский историк, - Россия поддерживала болгарские требования в отношении Македонии и предприняла шаги по привлечению других великих держав к реализации пункта 23 Берлинского договора». Россия надеялась, что таким образом будут устранены причины кровавых столкновений в Македонии. С точки зрения России, тяжелое положение в Македонии более всего «отвечало интересам Австро-Венгрии, которая ожидала подходящий момент, чтобы использовать в своих целях события в Македонии».¹⁴ По меньшей мере, неоднозначным представляется мнение Тодоровского о поддержке Россией болгарских требований в отношении Македонии.

Для македонской историографии, как и для болгарской (Германов С.), характерно противопоставление общественного мнения России и официальной политики России по македонскому вопросу. Показательно в этом отношении следующее утверждение македонского историка Д.Х.Константинова, который считает, что хотя правительство царской России проводило в целом неприятельскую, крайне реакционную политику в отношении естественных стремлений македонского народа к завоеванию всесторонней политической, экономической, церковной и культурной свободы и в «отношении его... национально-освободительного движения, руководимого Тайной македонско-одринской революционной организацией,.. русское общественное мнение внимательно следило за историческими событиями в Македонии и других балканских землях и странах...»¹⁵

Греческая историография не рассматривает русскую политику в Македонии в указанный период. Главная тема греческих исследователей — доказательство права пользования и обладания термином “Македония” исключительно греческой стороной.

Западноевропейская и американская историография, уделяя значительное внимание политике России на Балканах,¹⁶ специально к изуче-

нию русской политики в Македонии не обращалась. Имеются интересные монографии Паултона и Перри¹⁷ по македонскому вопросу, но в них политика России находится вне рамок исследований.

Отдельно следует выделить работы английского историка Д.Дэйкина¹⁸ исследовавшего проблемы новой истории Греции и, в частности, ее политику по македонскому вопросу. Он отмечает, что греки, начиная с рубежа XIX-XX вв., проявляли “растущую антипатию к России, которую они подозревали в поощрении Болгарии” Греки опасались, что австро-русское соглашение 1897 г. нанесет ущерб их интересам на Балканах.

Сделанный обзор историографии позволяет сделать вывод, что, в качестве отдельной проблемы, македонский вопрос в балканской русской политике 1897-1902 гг. до сих пор не исследовался.

Цель и основные задачи исследования. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать какое место занимал македонская проблема в балканской политике России в 1897-1902 гг. и проследить механизм ее формирования, а также определить роль российских консульств в этом процессе.

Источниковая база исследования. Источники данной работы достаточно разнообразны, но написана она, главным образом, на основе неопубликованных документальных материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Лишь незначительная часть архивной документации уже была использована отечественными и зарубежными исследователями.

Среди источников, использованных в настоящей диссертации - хранящиеся в АВПРИ фонды: “Отчеты МИД”, “Посольство в Константинополе” (ф.180), “Консульство в Битоле” (ф.213), “Генеральное консульство в Салониках” (ф.279), “Политархив” (ф.151); инструкции МИД политического характера российским представителям в балканских столицах, консулам в Македонии, официальная дипломатическая переписка дипломатов. В фонде “Политархив” находятся донесения, поступавшие в Первый (Азиатский) департамент МИДа и содержавшие информацию особой важности, относившуюся к развитию политической ситуации в Македонии (активизация деятельности революционных организаций, движение турецких войск, их столкновения с четами и т.п.). Зачастую, это даже не сами донесения, а их обзор.

Переписка русских дипломатических представителей в Константинополе, Белграде, Софии и Афинах содержит важную информацию об официальной позиции правительств балканских стран в македонском вопросе, об их отношении к российской политике в Македонии. Донесения русских консулов детально освещают общественно-политическую, национальную и церковную борьбу в Македонии, соперничество балканских государств в Маке-

дании, отношение великих держав к македонскому вопросу. Консульские донесения, несомненно, являются одним из наиболее достоверных источников, ибо они содержат информацию, на основе которой принимались решения и, отчасти, выработывался внешнеполитический курс (консулы были обязаны убедиться в достоверности поступавшей к ним информации, неточности всегда исправлялись). Консулы собирали информацию прежде всего на месте событий, они нередко предпринимали отнюдь не безопасные поездки по отдаленным уголкам своих консульских округов, получали данные из личных бесед и переписки с местными жителями, дипломатическими представителями других стран (русские и австрийские консулы, согласно инструкциям послов России и Австро-Венгрии в Константинополе, должны были обмениваться информацией любого рода за исключением секретной).

В Государственном архиве Российской Федерации были обработаны фонды занимавшего в 1900-1906 гг. пост Министра иностранных дел В.Н.Ламздорфа (ф. 568), состоящий из официальных и неофициальных бумаг и писем, в том числе разного рода неопубликованных документов касающихся политики России в македонском вопросе, и ф.892, составленный из документации русского консула в Салониках с 1902 г. А.А.Гирса.

Отдельные документальные материалы российского МИД и императорского правительства были опубликованы в сборнике "Реформы в Македонии. Дипломатическая переписка. 1902-1903." Спб., 1906.

Следующим видом источников являются свидетельства современников (мемуары, опубликованные путевые заметки и дневники).

Ценным источником являются книги А.В.Амфитеатрова "В моих скиданиях. Балканские впечатления" (Спб., 1903.) и "Страна раздора. Балканские впечатления" (Спб., 1903.). Александр Валентинович Амфитеатров (1862 - 1938) — писатель, литературный критик, драматург, публицист. Предпринял ряд поездок на Балканы на рубеже XIX-XX вв. Он был лично знаком с русскими консулами в Македонии и деятелями македонского "освободительного" движения. Все это нашло отражение в его публицистике.

Заметки другого путешественника по Балканам А.Башмакова "Болгария и Македония" (Спб., 1903) менее информативны в части русской политики в Македонии и скорее могут служить фоном для воссоздания условий деятельности русского дипломатического корпуса в регионе. Башмаков дает своего рода этнографический очерк Македонии, представляет читателю «быт» русских консулов.

Воспоминания П.Н.Милюкова содержат несколько страниц посвященных его пребыванию в Македонии в 1897-1899 гг. Милюков касается деятельности в Битоли консула А.А.Ростковского, косвенно затрагивая тему политику России.

Из болгарских источников следует выделить воспоминания Даниила Юрукова, болгарского торгового агента в Ускюбе. (Юруков Д. Спомени из политическия живот на България. София, 1932) Автор высказывает свое мнение о балканской политике России, касается болгаро-сербского соперничества в Македонии, сообщает о позиции болгарского премьера Данева по русско-болгарским отношениям, критически отзывается о русском консуле в Ускюбе В.Ф.Машкове, рассказывает о своих беседах с ним и т.д.

Интересные и важные факты об отношении деятелей болгаро-македонского национального движения к проводимой Россией политике в регионе можно почерпнуть из сборника их воспоминаний (Борбите в Македония и Одринско. 1878-1912. Спомени. София, 1981.).

К следующей группе источников относится периодическая печать рассматриваемого периода, в частности, газеты “С.-Петербургские ведомости” и “Новое время”. На страницах последних наиболее активно обсуждается политика России в Македонии. “Новое время” располагало своими корреспондентами на Балканах, сообщавшими информацию непосредственно с мест, в том числе и из Македонии. Естественно, информация корреспондентов касалась и реализации русской политики в македонском вопросе.

Научная новизна работы заключается в том, что в качестве самостоятельной тема македонского вопроса в балканской русской политике 1897-1902 гг. до сих пор не исследовалась. В диссертации этот вопрос исследуется комплексно – в контексте взаимоотношений балканских стран, на фоне их борьбы за первенство в Македонии на основе значительного количества впервые вводимых в научный оборот архивных документов. Впервые в отечественной историографии подробно рассматривается деятельность в Македонии русских консулов, делается попытка оценить значение их деятельности для формирования позиции официальной России в македонском вопросе. В диссертации также исследуются положения дел в Македонии в XIX в., когда в ней началось активное соперничество соседних государств. Как представляется, эти материалы, как и краткий очерк истории Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), позволяют по-новому взглянуть на отдельные аспекты македонской проблемы.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что богатый фактический материал может быть использован в исследовательском и учебном процессе, в преподавании курса истории южных славян. Выводы диссертации могут послужить поводом к новой плодотворной дискуссии по отдельным моментам истории южных славян.

Апробация исследования. Основные положения диссертации докла-

дывались на 5-й научной конференции «Россия и реформы». МГУ. 16 апреля 1997. (Доклад «Русский консул на Балканах: трагедия А.А.Ростковского (1903)»), на конференции «Ломоносовские чтения. МГУ. 1998» (Доклад «Русская печать о некоторых аспектах македонского вопроса в начале XX в.») и на конференции «Международные конфликты и способы их урегулирования», Москва, 28-29 марта 2000 г. (Доклад «Между молотом и наковальней. Международное соперничество в Македонии накануне Илинденского восстания»).

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, примечаний и библиографии.

II. Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность и научная значимость темы, формулируются цели и задачи исследования, определяются его хронологические рамки, содержится характеристика источников, анализируется степень изученности проблемы.

Первая глава – «Македония. Век XIX. “Страна раздора”» – посвящена изучению положения дел в Македонии в XIX в. Если о Балканах в целом принято говорить как о «пороховом погребе» Европы, то за Македонией в конце XIX в. закрепилась репутация «яблока раздора» и «гордиева узла» Балкан.

На протяжении веков представления о Македонии как историко-географической области менялись. Современное географическое понятие «Македония» сложилось в XIX веке. Македония имеет естественные географические границы: восточную составляет река Места (Нестос), северную — междуречье Моравы и Вардара и гора Шар, западную — линия от горы Шар до реки Альякмон (Бистрица), следуя через гору Кораб, реку Черни Дрин и оставляя Охридское и Преспанское озера в границах Македонии, южную — река Альякмон и побережье Эгейского моря до реки Места. Общая площадь - 67 741 км².

Ныне Македонию условно принято делить на три части: Вардарскую (сегодняшняя Республика Македония), Пиринскую (входящую в состав Болгарии) и Эгейскую (в Греции). Эгейская в пропорциональном отношении составляет более половины географической области, Вардарская - около 1/3, Пиринская Македония — 1/10. Соответственно: 35 230 км², 25 713 км², 6 798 км².

В главе отмечается, что македонский вопрос в различные историчес-

кие периоды имел различное содержание: одни его аспекты со временем выходили на первый план, другие же уходили в тень.

Впервые европейская дипломатия затронула вопрос о судьбе Македонии в период Восточного кризиса 70-х гг. XIX века. На Константинопольской конференции послов великих держав в 1876 г. был принят ряд решений, носивших рекомендательный характер и обращенных к Турции. Одно из них — о создании двух автономных болгарских областей: восточной и западной. В состав последней должна была входить Македония. Но Турция этот проект отклонила.

По Сан-Стефанскому прелиминарному мирному договору, заключенному 19 февраля (3 марта) 1878 г., в состав автономного Болгарского княжества вошла большая часть Македонии. Однако проходивший с 1(13) июня по 1(13) июля Берлинский конгресс великих держав внес серьезные коррективы. Согласно подписанному договору Македония была возвращена Османской империи (ст. 1) с условием проведения реформ (ст. 23). Для болгар это явилось настоящей исторической драмой, в то же время “Сан-Стефанская Болгария” стала национально-государственным идеалом болгар, воплощавшим идею “Великой Болгарии” которая объединяла бы в своих границах всех болгар Балканского полуострова.

К этому периоду можно отнести и возникновение македонского вопроса во внешнеполитическом его аспекте - как вопроса международной политики, а Македонии как объекта международной политики. Главная его составляющая - политическое будущее так называемых македонских вилайетов Османской империи. В этой связи актуализируется и другой аспект македонского вопроса - этнический — о происхождении, этногенезе и национальной принадлежности македонских славян.

Логика процессов национального Возрождения, возникновения национально-освободительных движений, создания национальных государств на Балканах, коими был ознаменован XIX век, неизбежно ставила на повестку дня вопрос об объединении всех представителей одной национальности, проживающих на еще не освобожденных территориях Османской империи, в рамках соответствующих государственных образований. Возникла проблема определения будущих границ - и здесь интересы Греции, Сербии и Болгарии должны были фатально столкнуться в Македонии, оставшейся в рамках Турции. На Македонию в той или иной мере претендовали все названные страны, история которых так или иначе, была с ней связана. Активно дискутировался вопрос о национальной принадлежности македонских славян. Лучшей иллюстрацией политизированности данных о национальности македонских славян говорят приведенные статистические материалы о Македонии из стран-соседей.

В главе анализируются разнообразные взгляды по вопросу о националь-

ной принадлежности македонских славян и делается вывод: вопрос о национальности македонских славян на самом деле использовался соседями для идеологического обеспечения территориальных претензий на Македонию. Хорошо известно высказывание долговременного премьер-министра Сербии Н. Пашича: “История показывает, что тот, кто имел Македонию, всегда был первым на Балканах”¹⁹. В XIX в. возникла так называемая национальная пропаганда балканских стран в Македонии. Цель ее состояла в том, чтобы “разбудить” (“привить”, “развить” и т.п. - можно называть по-разному) совершенно определенное национальное самосознание македонского населения с тем, чтобы в дальнейшем обосновывать свои претензии на Македонию фактом проживания в ней своих соплеменников. Соответствующим образом трактовались факты древней и средневековой истории.

В главе подробно освещается создание и деятельность политических обществ в Болгарии, Сербии и Греции, ставивших своей целью завоевание преобладающего положения в Македонии, показана борьба болгарской, сербской и греческой пропаганды за «идеологическое господство» над христианским населением Македонии.

В главе делается вывод, что именно «размытость», неопределенность национального самосознания у преобладающей массы македонских сельских жителей создавала благоприятную почву для деятельности зарубежных «пропаганд».

В октябре 1893 г. в Солуни были заложены основы Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). (На разных этапах своего существования организация имела различные названия.) После долгих дискуссий целью организации было провозглашено “претворение в жизнь Берлинского договора”, т.е. реализация его 23-й статьи. В первые месяцы 1894 г. цель была конкретизирована - достижение автономии Македонии. Один из основателей Организации Х. Татарчев вспоминал, что ее основоположники не могли провозгласить целью “непосредственное присоединение Македонии к Болгарии”, так как понимали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония “может послужить объединительным звеном федерации балканских народов”. Существенным является признание основателями Организации того факта, что непосредственным толчком к ее созданию стало усиление иностранной, особенно, сербской пропаганды в Македонии. Так, по воспоминаниям Д. Груева, когда в 1891 г. группа студентов из Македонии задумывала в Софии создать революционную организацию, они имели в виду необходимость противодействия сербской пропаганде, необходимость поставить на повестку дня идею освобождения Македонии, “прежде, чем сербс-

кая пропаганда усилится и раздробит народ"²⁰. Таким образом, сами организаторы движения признавали "размытость" национального самосознания македонских славян. Анализируя первые шаги Организации в ее деятельности в исследуемый период, можно сделать вывод, что Организация изначально носила сугубо болгарский национальный характер. Она имела определенные отношения с болгарскими правительствами или отдельными ее министрами.

В главе I опровергается тезис об изначальном противоречии между ВМРО и Верховным Македонским Комитетом, действовавшим в Болгарии. Приводятся данные о самом тесном взаимодействии двух политических субъектов. О серьезных разногласиях можно говорить только начиная с 1901 г., когда руководство ВМК попыталась «встать над» ВМРО, и, особенно, с 1902 г. – в период подготовки «Горноджумайского восстания», когда в ВМК возобладали авантюристическая линия.

Вторая глава – «Балканы — под стеклянный колпак» Соглашение 1897 г. между Россией и Австро-Венгрией. Балканские столицы и македонские иллюзии России» — посвящена изучению места и роли македонского вопроса в планах российского внешнеполитического ведомства на Балканах в контексте новой – дальневосточной – ориентации внешней политики России, когда Петербург не мог активно действовать на Балканах.

В 1896 г. в Константинополе вспыхнули армянские волнения и погромы, а в 1895 г. восстал Крит.

В самом начале Критских событий в 1895 г. российская и европейская дипломатия, стремясь локализовать конфликт, напомнили турецкому правительству о его обещании, согласно Берлинскому договору, улучшить положение его христианских подданных. В 1896 г. после длительных обсуждений Порты поручила особой комиссии разработать план реформ для македонских вилайетов. Ничтожный по своему содержанию проект, по сути, остался на бумаге.

В 1897 г. Ближневосточный кризис завершился. Закончилась греко-турецкая война, Криту была предоставлена широкая автономия.

В окончательном виде позиция МИД России состояла в следующем - не связывая себя никакими обязательствами, поддерживать стремление Австро-Венгрии к сближению с Россией, преподать балканским государствам заранее согласованные "советы миролюбия и умеренности" в первую очередь Болгарии, с территории которой в Македонию проникали вооруженные отряды, дестабилизирующие обстановку в регионе.

Заключение соглашения состоялось в апреле 1897 г. в ходе визита Франца-Иосифа и А.Голуховского в Петербург. Во время переговоров было проявлено совпадение позиций двух правительств относительно балканских событий. Страны соглашались проводить единую линию по стабили-

зации положения на Балканах. Соглашение состоялось в форме обмена нотами министерств иностранных дел России и Австро-Венгрии с австрийским послом в Петербурге Лихтенштейном. Ноты содержали разночтения. В общем стороны сходились в трех пунктах: 1) поддерживать статус кво на Балканах, пока это возможно; 2) когда это станет невозможным, исключить завоевательные планы на полуострове, как со стороны обеих договаривающихся сторон, так и со стороны других государств; 3) вынести вопрос о Константинополе и проливах за рамки предметов соглашения. Таким образом, стороны договорились по самым общим вопросам, а при их конкретизации выявились разногласия. Так, Вена предлагала определенный вариант раздела Балканского полуострова, а Петербург считал такое решение преждевременным.

Следующим вопросом, рассматриваемым во второй главе, является исследование попыток русской дипломатии примирить Болгарию и Сербию в их соперничестве в Македонии.

После восстановления болгарско-русских отношений и критских событий 1896 г., и, особенно, в связи с эскалацией греко-турецкого конфликта зимой 1896-1897 гг., усиливаются дипломатические контакты между Болгарией и Сербией, знаменующие начавшееся еще в начале лета 1896 г. сближение между двумя странами. В 1896 г. болгарский князь Фердинанд побывал в Белграде, сербский король Александр — в Афинах, черногорский князь Николай — в Белграде. В феврале 1897 г. во время визита короля Александра в Софию Болгария и Сербия подписали договор, как результат завершения переговоров, начатых еще в 1896 г. в Белграде. (Позже к договору присоединилась Черногория.) Договор не носил конкретного характера. Было принято аморфное положение “об обоюдной свободе культурной и религиозной пропаганды на всей территории Македонии”. Договор носил явно компромиссный характер и состоял из четырех статей, согласно которым государства брали на себя обязательство не предпринимать никаких односторонних действий в ущерб другой стороне в случае осложнений в Европейской Турции; Болгария и Сербия могли самостоятельно действовать в Македонии по защите своих интересов в национальном, церковном и школьном вопросах. Россия с удовлетворением приняла заключение болгаро-сербского соглашения.

Февральское соглашение между Сербией и Болгарией так и осталось на бумаге. Их попытки согласовать свою политику были прекращены после поражения Греции в войне с Турцией весной 1897 г. Оба государства вернулись к осуществлению противоположных по своей сущности внешнеполитических программ. 1897 г. ознаменовался первыми громкими убийствами в Македонии сербов и тех, кто не поддерживал ВМРО членами этой организации.

В январе 1897 г. велись также переговоры между Болгарией и Грецией

“о наступательном и оборонительном союзе против Турции”. Греция стремилась заручиться поддержкой Княжества в своих будущих действиях против Османской империи. Переговоры окончились безрезультатно и, вновь, из-за Македонии. Переговоры проходили одновременно в Софии и Афинах на уровне премьер-министров и дипломатических представителей. Греки не соглашались с требованиями болгар во Фракии, а болгарской стороне явно не подходили слишком незначительные предложения греков по поводу Македонии. Те соглашались лишь на уступки в районе Ускуба и Струмицы. Провал переговоров ориентировал болгар на политику нейтралитета в греко-турецком конфликте. МИД России и Н.В.Чарыков (первый представитель России в Софии после восстановления болгаро-русских отношений) не были информированы о проходивших в Афинах и Софии в январе 1897 г. болгаро-греческих переговорах. Соответственно, не знали они и об их предмете — возможном взаимодействии в предстоящем конфликте Греции с Османской империей. Чарыков направил в Петербург помпезное донесение, приписав нейтралитет Болгарии заслугам («внушениям») России. В этой депеше поспешность в выводах, наивность (надежда на сербо-болгарское сближение) и неосведомленность переплелись в запутанный клубок. В заслугу российской дипломатии незаслуженно ставилось то, что произошло благодаря независящему от усилий российских дипломатов стечению обстоятельств — провал соглашения с Грецией из-за Македонии²¹.

В главе отмечается, что чиновники МИД России находились в плену глубоких иллюзий относительно того, что Россия теперь в состоянии оказывать влияние на позицию балканских правительств в македонском вопросе. Они считали, что поскольку Россия восстановила свои отношения с Болгарией, она теперь может воздействовать на ее политику.

Хотя после восстановления русско-болгарских отношений, правительство Болгарии официально дистанцировалось от деятельности ВМК, отказавшись от курса на усиленное разжигание этого движения, которого оно придерживалось до урегулирования отношений с Россией, Фердинанд продолжал тайно поощрять Македонский Комитет.

Стоит отметить, что, строго следуя инструкциям из Петербурга русские дипломаты неоднократно предостерегали деятелей македонского движения, “что никакие попытки, даже никакие жертвы, в настоящую минуту не вызовут нашего деятельного вмешательства, и что агитаторы погубят себя и все народное дело”²². Из инструкций МИД поступавших в Софию следует, что Россия решила любой ценой, но в тоже время не роняя своего престижа в глазах славян, предотвратить опасный поворот македонского вопроса – возможное восстание христианского населения (что было маловероятно) или спровоцированную резню христиан с последующим вмешательством Европы. Россия, хотя и занятая на Дальнем Восто-

ке, не могла допустить, чтобы без ее участия решались вопросы на Балканах. Министр М.Н.Муравьев был вынужден (именно вынужден, ибо российский представитель в Болгарии Бахметев пребывал в самом благодушном настроении) направить ему инструкцию, в которой требовал объявить болгарскому премьеру, что его кабинет будет нести ответственность за революционную деятельность тайных обществ, организованных в Болгарии.

На основании изученных в диссертационном исследовании документов, можно сделать вывод о недостаточно четком взаимодействии между подразделениями российского МИД разного уровня. Так представитель в Софии откровенно писал, что ничего не знает об обстановке в Македонии, то есть он не был элементарно обеспечен копиями донесений российских консулов из Македонии. Консулы жаловались на долгое отсутствие четких инструкций, а между собой осуждали Посла России в Турции Зиновьева за недоверие к ним, значительно затруднявшее их взаимодействие.

Третья глава – «Обострение македонского вопроса в конце XIX - начале XX в. Горноджумайское “восстание”» - посвящена исследованию деятельности русской дипломатии в период обострения ситуации в Македонии.

В 1898 г. было достигнуто соглашение между Османской империей и великими державами по критскому вопросу. Греческий принц признавался верховным комиссаром острова. Это с новой силой повлияло на македонское движение – вызвало обострение македонского вопроса. После подписания греко-турецкого мирного договора, и особенно с конца 1898 г., болгарские правящие круги и их сторонники в Македонии попытались добиться разрешения македонского вопроса по примеру критского. Болгарский дипломатический представитель в Константинополе Д.Марков распускает слух, что перед своим отъездом в отпуск в Ливадию И.А.Зиновьев якобы заявил, что “После завершения критского вопроса пришла очередь Македонии”²³.

Министр иностранных дел России Муравьев настойчиво дезавуировал заявления Маркова, требуя от Бахметева обратить внимание официальной Софии “на образ действий болгарского дипломатического агента в Константинополе, представляющий полное противоречие с официально заявляемыми намерениями княжеского правительства... Марков открыто проповедует, что ныне вслед за устройством критских дел, настала очередь для Македонии добиваться автономного управления...” “Считаю излишним, - подчеркивал Муравьев, - указывать на неосновательность сообщений г. Маркова и несбыточность расчетов тех политических деятелей, которые замышляют восстание в Македонии”²⁴.

В главе делается вывод о том, что переориентация внешней политики России на Дальний Восток привела к тому, что Балканам и, стало уделяться все меньше внимания, Только вспышки насилия в Македонии заставляли Петербург обращать на нее внимание.

1899 год осложнился переменами в болгарском правительстве. На смену “русофильскому” правительству К.Стоилова (1894 г. - январь 1899 г.), имевшего противоречия по македонскому вопросу с Фердинандом (дальнейший ход развития событий вокруг Македонии показал, что это было одной из причин отставки правительства) пришел кабинет беспартийного, в прошлом члена стамбуловской партии Д.Грекова (январь - октябрь 1899 г.). Правительство Грекова сменил “русофобский” либеральный “радославистский” кабинет Т.Иванчова (1899 г. - конец 1900 г.), “безропотно следовавший” политике князя, направленной на поддержку македонского движения в стране.

1900 г. принес дальнейшее обострение македонского вопроса. Внутренняя организация занималась поборам в Македонии, а деятели ВМК в Болгарии. С избранием в 1899 г. Б.Сарафова руководителем ВМК укрепились связи последнего и Внутренней организации. Более того, агенты ВМК решились на беспрецедентный шаг - в июле 1900 г. они убили в Бухаресте профессора греческого языка и редактора румынского журнала “Peninsula Balcanica” Михаилеану. Убийство вызвало волну возмущения румынской общественности. Румыния начала военные приготовления против Болгарии. Русской дипломатии пришлось немало поработать для урегулирования болгаро-румынского конфликта, достигшего в августе-сентябре 1900 г. немалого накала.

Фердинанд был вынужден произвести смену кабинета, с целью добиться поддержки России в македонском вопросе. После прихода к власти «русофильского» кабинета Каравелова-Данева в феврале 1901 г. князь не стал препятствовать применению репрессивных мер против отдельных деятелей ВМК. В марте 1901 г. военный министр издал приказ, запрещающий офицерам участвовать в деятельности ВМК. Через неделю после подписания приказа правительство арестовало Б.Сарафова и ряд его соратников. Россия с удовлетворением восприняла данную меру болгарского кабинета министров. На телеграмме Бахметева об аресте Сарафова Николай II написал: “Отлично!”²⁶. Новым председателем ВМК был избран преданный Фердинанду генерал в отставке Цончев. Однако радость русской дипломатии по поводу ареста Сарафова и перемен в правительстве была преждевременной. На деле ситуация оказалась значительно сложнее, чем это представлялось из Петербурга. В результате событий января-марта 1901 г. в Болгарии и Македонии во главе ВМК и Внутренней организации оказались люди, полностью подчинившие свою деятельность идее Фердинанда о нагнетании напряженности в Македонии путем террористических актов и отправки туда вооруженных чет, составленных главным образом из профессиональных военных. В результате под контроль князя в 1901 г. были поставлены и дипломатические акции Болгарии перед великими державами и “вооруженная пропаганда” в Македонии.

Осенью 1902 г. македонский вопрос вступает в новую фазу своего развития. Четыре ВМК провоцируют кровавые события в Серском санджаке Солунского вилайета, известные в болгарской историографии как Горноджумайское восстание. Жестокое подавление его турецкими войсками и башибузуками длилось около полутора месяцев - сентябрь-октябрь 1902 г. Сотни беженцев оказались в Болгарии. Николай II выделил 10 тыс. рублей для оказания помощи пострадавшим. Частично ВМК достиг своей цели: внимание России было вновь привлечено к Македонии. В Петербурге опасались дальнейших осложнений. Россию беспокоила активность английской и французской дипломатий. В октябре 1902 г. французский дипломат в Софии Булини предложил провести международную конференцию, посвященную разрешению восточных проблем. Россия была вынуждена усилить активность своей дипломатии в македонском вопросе. В разговоре с Султаном в октябре 1902 г. Зиновьев настойчиво указывает ему на необходимость усовершенствовать администрацию в македонских вилайетах.

В конце 1902 г. Россия и Австрия поставили перед Портой вопрос о проведении реформы системы управления в 3-х македонских вилайетах. 8 декабря 1902 г. султан издал указ, в котором отмечалось, что будут разработаны соответствующие административные, судебные и политические реформы. Однако никаких практических шагов со стороны султанского правительства не последовало.

В Петербурге и Вене закипела оживленная дипломатическая работа. Ламздорф посетил Софию и Белград. В январе-феврале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия выработали проект реформ для Македонии (Венская программа). Порта должна была дать обещание, что назначенный ею генерал-инспектор европейских вилайетов будет возглавлять их администрацию в течение трех лет, имея право распоряжаться находившимися там войсками. Турция должна была передать дело реорганизации местной жандармерии и полиции в руки иностранных офицеров. Предлагаемая финансовая реформа включала ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления вместо существовавшей прежде откупной системы. Порте предъявлялось также требование принять меры против производства ирегулярных отрядов (башибузуков) и даровать амнистию политическим арестантам и беженцам. Эта программа в виде идентичных нот была вручена российским послом в Константинополе И.А.Зиновьевым и его австрийским коллегой Каличе 21 февраля 1903 г. великому везиру.

“Комитеты” пришли к выводу, что события всегда развиваются по одной и той же схеме: вслед за волнениями в Македонии и их подавлением следует “окрик” из Петербурга, а за ним обязательно и программа реформ. И чем масштабнее волнения, тем более кроваво их подавление, а, значит,

и последующие реформы будут радикальнее. Россия просто по определению не сможет остаться в стороне в случае массовой резни. А ни к чему кроме резни христиан вооруженное выступление привести и не могло. И его организаторы это хорошо понимали.

В январе 1903 г. был провозглашен курс на всеобщее восстание в Македонии весной 1903 г, замененный позднее решением о восстании в одном - Битольском - революционном округе. Македонский вопрос вступал в новую фазу своего развития...

Четвертая глава — «Русские консулы - проводники курса России в македонском вопросе» - посвящена рассмотрению деятельности представителей Российской империи в Македонии.

Россия имела на рубеже XIX-XX вв. в Македонии три своих представительства - Генеральное консульство в Салониках (Солуни), консульство в Ускубе (Скопье) и вице-консульство (с 1901 г. - консульство) в Битоли. Первое возглавлял до весны 1902 г. Н.А.Илларионов, имевший четвертьвековой опыт дипломатической службы на Балканах (по выходе в отставку он ушел в монахи на Афоне.), а затем - А.А.Гирс. Во главе второго находился Ф.К.Лисевич (умер летом 1898 г.), которого сменил В.Ф.Машков в качестве управляющего консульством. Консульством в Битоли все эти годы руководил А.А.Ростковский, убитый албанцем в период Илинденского восстания 1903 г.

Консульские функции были очень обширны и многообразны, и это позволило Бисмарку отметить, что «легче быть хорошим дипломатом, нежели хорошим консулом»²⁶. А.Амфитеатров, со слов одного из русских консулов на Балканах, характеризовал их положение как «двусмысленное»: с одной стороны, всесильные «в воображении здешних властей и народа», а с другой, «совершенно бессильные и безгласные пред Константинополем и Петербургом»²⁷. В задачи консула входило информирование своего правительства о политических, экономических и прочих аспектах жизни соответствующего консульского округа.

Ростковский и Машков докладывали о личной ненависти деятелей комитетов к ним. По словам Машкова, один из революционных деятелей заявил: «Нам не опасны ни сербы, ни турки, ни арнаулы, наши злейшие враги — это русские консулы, которых следует смести с дороги или, по крайней мере, хорошо припугнуть...»²⁸

Непреклонная позиция русских консулов в смысле проведения официального внешнеполитического курса России в Македонии вызывала недовольство буквально всех соперничающих сторон. Австрийские газеты печатали материалы, порочащие русских консулов. Тем же занимались и многие болгарские газеты. Среди деятелей болгарского национального движения русские консулы слыли болгарофобами. Греки распространяли слухи об активной поддержке Ростковским деятельности революционеров.

Кроме информирования Российского посольства в Константинополе и МИДа Российской империи об обстановке, складывавшейся на подведомственной консулам территории, дипломаты предлагали и свои варианты решения македонского вопроса.

Взгляды представителей России в Македонии на суть македонского вопроса и проблему его разрешения были во многом различны между собой, кроме того, с течением времени они подвергались определенным изменениям.

18 декабря 1898 г. в донесении Зиновьеву Машков предлагал два, по его мнению, “наиболее соответствующих настоящему положению дел в Македонии” пути разрешения македонского вопроса: 1) Оставить Македонию так, как она есть, под турецким владычеством, но обязать при этом Турцию провести действенные реформы для защиты христианского населения. Машков особо подчеркивал необходимость разделения сфер влияния Болгарии и Сербии. 2) Если Турция окажется неспособной провести такие реформы, то, отделив Македонию от Турции, разделить ее между Болгарией и Сербией, а, может быть, и Черногорией. Но как, отмечал российский дипломат даже «это последнее, наиболее справедливое и соответствующее нашим интересам разрешение македонского вопроса, возбудит справедливые, с их точки зрения, неудовольствия — Болгарии, навсегда лишающейся надежды играть крупную политическую роль, и Австрии, которой закроется дорога к столь драгоценным ее сердцу Салоникам»²⁹.

В главе делается вывод, что решение о разделе территории Македонии, несправедливое по отношению к населению Македонии, все же было в перспективе (после того как у России “развяжутся” руки на Дальнем Востоке) единственным политически целесообразным с точки зрения российской дипломатии, позволявшим избежать создания некоей балканской “сверхдержавы”. И одним из первых это осознал Машков (Нельзя забывать, что с идеей раздела Македонии выступил еще в 1897 г. посол в Вене Капнист. Но в тот конкретный момент предложения Капниста и Машкова шли в разрез с общим курсом российской политики на поддержание статус кво.).

Машков предельно четко формулировал свою точку зрения, обосновывая и дополняя основные направления внешнеполитического курса России на Балканах: “Наши усилия должны... быть направлены к тому, чтобы не допустить на Балканах ничьей кроме нашей гегемонии, иначе — к поддержке там равновесия”. (Поддержка Россией назначения Сербского митрополита в Ускюб - яркий пример ее стремления не допустить одностороннего усиления Болгарии в Македонии.) В одном из январских 1901 г. донесений, сравнивая “болгарское македонское движение” с “огромным злокачественным нарывом на вялом организме Больного Человека”, Машков подчеркивал: “Предоставленный самому себе он [“нарыв” - Я.М.]... может повести к общему заражению крови или вскрыться при неблагоп-

приятных условиях, - в самую неудобную минуту, что может быть для Турции фатальным. Не было бы правильнее, чтобы этот грозный вред был вскрыт [выделено Машковым. - Я.М.] в момент наиболее подходящий, гарантирующий наиболее благоприятный исход."³⁰ Иначе говоря, Машков считал, что Россия в тот момент не имела возможности решить македонский вопрос без ущерба для себя, а если бы он и разрешился без ее участия, то это имело бы самые неприятные последствия. Отсюда, самый приемлемый выход - отложить его на более поздний срок, не давая, в то же время, ситуации обостриться.

Консул в Солуни Гирс предлагал в декабре 1902 г. такое решение македонского вопроса: "...Лишь безотлагательным, по возможности, примирением на почве дел македонских этих двух славянских народностей [сербов и болгар. - Я.М.] и властным разграничением их национальных вождений можно достигнуть скорого и прочного успокоения края"³¹. Речь идет о посредничестве России в сербо-болгарском споре о Македонии. О таком посредничестве в 1912-1913 гг. вопрос будет стоять уже не только на уровне консульских донесений. Однако дело до него так и не дойдет.

В главе делается вывод о том, что разнообразные проекты и информация русских консулов в Македонии остались, в основном, невостребованными центральным аппаратом МИД. К ним обращались лишь в кризисные моменты. В МИДе работа шла, главным образом, с выписками из консульских донесений, не дававшими естественно всей полноты картины происходящих событий.

В Заключении сформулированы основные выводы диссертации.

С переключением основного направления внешней политики России с Ближнего Востока на Дальний, активность российской дипломатии на Балканах заметно снижается. У России, кроме того, не было достаточно реальных сил воздействовать на складывавшуюся здесь ситуацию. Главной задачей после урегулирования в 1897-1898 гг. Ближневосточного кризиса становится поддержание стабильности и спокойствия. Россия заключает с Австро-Венгрией в 1897 г. соглашение о поддержании статус кво на Балканах, что, однако, не останавливает дипломатию Двухединой монархии от ведения пропаганды среди албанцев, заселявших и западные районы Македонии.

Единственным источником возможных волнений на Балканах, считают в Петербурге, может стать Македония, находившаяся в составе Османской империи. В последние годы XIX в. после Берлинского конгресса именно Македония и Фракия оставались единственными территориями, населенными главным образом христианами, в составе Турции. По мере роста сил балканских государств эти территории становятся «лакомым куском» для них. Положение осложняется тем, что Македония была единственной территорией, на которую могла претендовать Сербия с учетом оккупации Авст-

ро-Венгрией по решению Берлинского конгресса Боснии и Герцеговины и Новопазарского санджака, причем в 1880-е гг. Дунайская монархия поощряла сербское продвижение в Македонию. Однако в первые годы после восстановления отношений с Болгарией (в 1896 г.) в российском МИДе складывается убеждение, что на ситуацию в Македонии умиротворяющим образом можно влиять через правительство Болгарии. За кулисами оказываются связи правительства с македонскими организациями, ставящими целью присоединение Македонии к Болгарии, официально же провозглашающими необходимость введения в Македонии реформ, предусмотренных Берлинским договором. Оптимистические реляции русских дипломатов из Софии «усыпляют» чиновников Азиатского (Первого) департамента МИД, занимающегося Балканами. Македонский вопрос отложен в «долгий ящик». Взаимодействие между консульствами в Македонии, представительством в Софии, Посольством в Константинополе и МИД было весьма слабым..

Действия ВМРО и ВМК в последние годы XIX в. показывают русской дипломатии, что ситуация в Македонии намного более взрывоопасна, чем это казалось ранее. ВМРО в союзе с ВМК проводит политику террора в Македонии, стремясь вызвать некое локальное выступление («восстание») местных жителей с последующим его разгромом турецкими властями и резней христиан башибузуками. Это должно было, по их мнению, привлечь внимание Европы к региону, которая заставит Турцию ввести реформы, а, возможно, и предоставить Македонии автономию.

Впервые за многие десятилетия, если не сказать больше, Россия оказывается в двусмысленном положении – вековая покровительница православных народов Балкан поворачивается к ним как бы спиной. Такая ситуация – результат политики России по сохранению спокойствия на Балканах. Но, отказываясь признавать лидеров македонского движения за выразителей устремлений христианского населения Македонии, Россия старается всячески поддержать это население. Лидеры ВМРО и ВМК рассчитывают использовать эту двойственность российской политики в своих интересах.

Несогласованность в действиях различных дипломатических инстанций приводит к тому, что «Горноджумайское восстание» явилось неожиданностью для русской дипломатии. Верная своим традициям Россия оказывает материальную и моральную помощь пострадавшим в результате подавления «восстания». Россия напомнила Турции об обещанных ею реформах. Порта принимает половинчатые меры. Деятели македонского движения сделали вывод, что они находятся на верном пути, – чтобы Россия не заявляла, она, в конце концов, будет вынуждена вмешаться в события в Македонии на стороне христиан, пусть и не военной силой, как в 1877 г., а дипломатическими средствами. В начале 1903 г. ВМРО берет курс на восстание в Македонии в текущем году.

Примечания

¹ *Едемский А.Б., Карасев А.В., Цехмистренко С.П.* К истории македонского вопроса. // Советское славяноведение. 1993. №3. С. 66-78. С. 66.

² История Югославии. М., 1963. Т. 1. гл. 37. С. 625-638.; Очерки по истории Македонии и македонского народа. Т. 1-2. Казань, 1960.

³ Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. Киев, 1967. С. 172-173., 184-185., 287-288.; Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905-1907 гг. Киев, 1974. С. 11.

⁴ *Кинятина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в к. XIX в. (1878 - 1898). М., 1994.

⁵ *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт “умиротворения” Македонии. // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 72-99.; *Она же.* Македонский вопрос и Россия в начале XX в. // Новая и новейшая история. Вып. 15. Саратов, 1995. С. 46-64.; *Карасев А.В., Косик В.И.* Этапы борьбы македонского народа за независимость. // Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 10-23.; *Косик В.И.* Гордиев узел Балкан. // Македония. Проблемы... С. 59-71; *Она же.* Македония - споры, соглашения, войны. // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С.318-340.

⁶ България и интригите на Русия. София, 1914. Не случайно этот сборник был переиздан в 1990-е годы (София, 1994.); *Кермекчиев А.* Руската политика спрямо България и българския народ. София, 1915.; *Божинев И.* Стременията на руската дипломация, борбата ѝ против обединението на българския народ. 1773-1913. София, 1914.; *Станев Н.* История на нова България. София, 1925.

⁷ *Николова В.* Руско-български отношения в края на XIX в. в руската и съветската историография. // II национална школа на младите историци. 1980. Ч.1. София, 1981. С. 177-192.; *Попов Р.* Русия и България (1894-1898). Политически отношения. София, 1985.

⁸ *Генов Г.* Източният въпрос (политическа и дипломатическа история). София, 1925; *Вечев Д.* Реформите в Европейска Турция и руско-българските отношения (началото на XX в.). // Векове. 1980. №2. С. 15-23.; *Она же.* Русия и българският национален въпрос в края на XIX и началото на XX век. // България 1300. Институции и държавни традиции. Т.3. София, 1983. С. 223-331.; *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария. 1894-1903. София, 1994.; *Она же.* Руски шрихи към източния въпрос (1894-1904). София, 1997. и др.

⁹ *Германов С.* Источници информирования русской общественности о национально-освободительном движении в Македонии и Одринской Фракии (1893-1908). // История. Научни трудове. 1989. №14. С. 61-96. С. 62,96.

¹⁰ *Германов С.* Старите “нови” идеи на македонизма. // Македонски преглед. 2001. №1. С. 83-90.

¹¹ Македонский вопрос в документах Коминтерна. *Сост.: Жила Л., Поповски В.* Скопје, 1999.

¹² *Војводић М.* Србија у меѓународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988.; *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790-1918. Београд, 1989.

¹³ *Ортаковски В.* Малцинствата на Балканот. Скопје, 1998.; *Пандевски М.*

- формите во Македонија (од дипломатска историја на македонскиот народ). Скопје, 1989. и др.
- ¹⁴ “Нова Македонија”. 23.08.1996.
- ¹⁵ *Константинов Д.К.* Битола и Битолско во Илинденската револуција на македонскиот народ - 1903. Битола, 1983. С. 211.
- ¹⁶ *Bridge F.* The Great Powers and European States System 1815-1914. London, 1980.; *Jelavich Ch. and Barbara.* The Establishment of the Balkan National States. 1804-1914. London, 1977.; *Setton-Watson H.* The Russian Empire 1801-1917. Oxford, 1967.
- ¹⁷ *Poulton H.* Who Are the Macedonians. Indiana University Press, 1995.; *Perry D.* The Politics of Terror: The Macedonian Liberation Movements. 1893-1903. Durham and London. 1988.
- ¹⁸ *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. 1897-1913. Thessaloniki, 1966.; The Unification of Greece. 1770-1923. London, 1972.
- ¹⁹ Цит. по: *Шатилова Л.В.* Македонскиот проблем во период Балканских войн 1912-1913 гг. и политика России. // Балканские исследования. Россия и славяне. Вып.15. М.,1992. С. 189.
- ²⁰ *Пандев К.* Националноосвободителни борби на българите в Македонија и Одринско след Берлинскиот конгрес от 1878. // Борбите... С. 9.; *Он же.* Националноосвободителното движење в Македонија и Одринско. 1878-1903. София, 1979. С. 67-70.; *Сиљанов Х.* Освободителните борби на Македонија. Т.1.София, 1983. С 39-40.
- ²¹ АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.1302. Л.37-38об.
- ²² АВПРИ. Ф.151. Д.1305. Л.44-45об.
- ²³ *Дюлгерова Н.* Руски штрихи... С. 171.
- ²⁴ АВПРИ. Ф.180. Д.5660. Л.43об.-44об.
- ²⁵ *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. С. 279.
- ²⁶ *Кожевников Ф.И.* Русское государство и международное право. М., 1947. С. 216.
- ²⁷ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора... С. 115.
- ²⁸ Там же. Ф.151. Д.1453. Л.14.
- ²⁹ Там же. Д.3608. Л.104об.-105.
- ³⁰ Там же. Ф.151. Д.1473. Л.15.
- ³¹ Там же. Ф.180. Д.2298. Л.122об.

По теме дисертацији автором опубликованы следующие работы:

1. Ruski konzuli o makedonskom pitanju. // Istorija XX veka. Beograd, 1998. №2. S.143-151.
2. «Поља су била уништена а шуме су страдале од самоволне сече». Руски конзули о друштву Македоније почетком ХХ. века (администрација, економија и становништво). // Годињшак за друштвену историју. Година VI, Свесеоград, 1999. С.29-41.
3. Македонија в 1878-1912 гг. // В «пороховом погребѣ» Европы. М., «Индрик» 2003. С. 178-190.

Институт Славяноведения РАН

**Утверждено к печати 5 февраля 2003 г.
Формат 60x84 1/16 Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Участок оперативной полиграфии ИЭА РАН
119334, Москва Ленинский проспект, 32-А**

